

Положеніе наших душевныхъ больныхъ въ больницы.

Сумасшествіе не щадитъ никого. Бѣдный и богатый, образованный и необразованный, аристократъ и „хамъ“—всѣ они въ одинаковой мѣрѣ подвержены заболѣванію психозомъ. Не безынтересно одно явленіе въ обществѣ: могущество моды во всѣхъ жизненныхъ явленіяхъ. На все есть мода и на всякое время есть мода. Даже болѣзни и на тѣ есть мода. Было время, когда интересно было быть чахоточнымъ и разочарованнымъ. Теперь мода на нервность. Но есть двѣ паріи между болѣзнями, которыхъ человѣческое общество гнушается и, вѣроятно, не скоро возведетъ ихъ въ моду:—это—сифилисъ и психозъ. Можно быть увѣреннымъ, что модная очередь этихъ двухъ болѣзней наступитъ очень и очень нескоро. Почему? Эти болѣзни слишкомъ рѣдки въ обществѣ? Эти болѣзни менѣе гибельны для организма, чѣмъ другія? Эти болѣзни сами по себѣ чѣмъ-нибудь отличаются отъ другихъ болѣзней?.. Нѣтъ. А тѣмъ не менѣе, эти болѣзни позорны, отъ нихъ отрекаются, ихъ скрываютъ, ихъ держатъ въ тихомолку, о нихъ боятся говорить. Почему? По невѣжеству.

Оставимъ сифилисъ въ сторонѣ.

Какъ бы на зло за это общественное презрѣніе, за это общественное ханжество, психозъ обрушивается все съ большею и большею силою на это самое общество.

Соотвѣтственно этой ненависти общества къ психозамъ и несчастные больные психозомъ—психопаты въ такой же мѣрѣ служатъ предметомъ общественнаго ужаса, горя, ненависти, презрѣнія и боязни. Въ самомъ дѣлѣ, къ какому бы слою общества ни принадлежалъ психопатъ, онъ въ одинаковой мѣрѣ нравственная и социальная тягота для этого общества.

Для людей высшихъ классовъ, аристократовъ (интересно знать—что такое теперь аристократъ, возможно ли въ эту категорію относить такихъ людей, какъ графъ З—цкій, который ходитъ по улицамъ и выпрашиваетъ „quelque chose pour кошюшка“,—если нельзя этихъ, то возможно ли къ нимъ причислить желѣзнодорожныхъ пьявокъ, общественныхъ и государственныхъ воровъ и пр.?) душевные больные представляютъ нравственное бремя, составляя позоръ семьи, почему родные очень долгое время скрываютъ такихъ больныхъ и приглашаютъ специалиста уже тогда, когда бываетъ поздно. Появленіе психіатра въ такомъ домѣ кладетъ на него какое-то клеймо позора и несчастья, почему такое приглашеніе отстраняется все дальше и дальше, жертвуя здоровьемъ близкаго челоука. Несчастно положеніе этихъ больныхъ особенно въ настоящее время. Было время, когда у нашихъ аристократовъ, точнѣе—пановъ, было очень много денегъ. Душевные больные этого класса людей не оставались въ Россіи. Лучшія частныя лѣчебницы Франціи, Швейцаріи и Германіи были переполнены русскими аристократами и аристократками. Нѣкто-

рые ловкіе аферисты-медики Германіи строили такія заведенія специально для русскихъ. Русскіе везли туда своихъ несчастныхъ и оставляли массу денегъ перѣдко коноваламъ и шарлатанамъ. Не дѣлать этого они не могли. Въ этихъ случаяхъ силою и рядомъ руководствовались не надеждою на исцѣленіе, а совершенно другими мотивами. Душевный больной позорилъ въ Россіи ихъ семью, онъ клалъ клеймо позора на ихъ близкихъ и отдаленныхъ родныхъ,—и всѣ они, ополчась противъ этого страдальца, требовали немедленнаго ostrакизма, возможно скорѣйшаго изгнанія его изъ предѣловъ родины. Больной увозился подъ строжайшимъ секретомъ,—его отсутствіе объясняли лѣченіемъ на водахъ отъ печеня, катарра и пр. Такого больного старались помѣстить такъ уютно и далеко, чтобы и воронъ костей его не могъ занести на родину. Какъ бы это ни дѣлалось, но больного устранили.

Время шло, денегъ становилось меньше. Заграничное лѣченіе становилось роскошью, доступною только для немногихъ. Позоръ оставался позоромъ, но его трудно уже было скрыть за границею. И вотъ стали такихъ больныхъ отправлять изъ далекихъ окраинъ отечества въ сѣверную Пальмиру. Петербургъ сдѣлался центромъ для своза сумасшедшихъ. Климатическія условія, условія социальныя—все это пренебрегалось и всѣ тащились къ одной притягательной точкѣ—Петербургу. Этимъ объясняется централизація заведеній для душевныхъ больныхъ въ Петербургѣ и отсутствіе ихъ во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ нашего немалого отечества.

Еще идетъ время. Денегъ еще меньше. Вести сумасшедшихъ не на что даже въ Петербургъ. Денегъ нѣтъ. Куда? Сабурова дача и другія мѣста значныя и не особенно покойныя. Но тутъ встрѣчаются условія вовсе ужъ неподходящія. Больницы земскія, сдѣловательно назначенныя скорѣе для „хамовъ“, чѣмъ для пановъ. Кромѣ того, больницы переполнены такъ сильно, что могутъ служить образцомъ даже для сельдей въ бочкѣ. Что же дѣлать?

Да, господа, что же дѣлать?

Не секретъ, что представители земства въ настоящее время почти исключительно изъ класса помѣщиковъ. Не секретъ, что финансы $\frac{8}{10}$ частей помѣщиковъ въ довольно плачевномъ состояніи. Большинство изъ нихъ приходитъ думать о томъ, что ихъ присыпятъ не на что дѣлать въ петербургскій дома умалишенныхъ. Нужно думать, чтобы наши мѣстные дома умалишенныхъ были годны какъ для крестьянъ, такъ и для людей болѣе высшихъ сословій. Безусловно вѣрно, что одна губернская управа не можетъ своими домашними средствами поставить домъ умалишенныхъ въ надлежащій видъ. Какъ она ни старается, какъ она ни заботится, а все выходитъ новая заплата на якуду негодномъ платѣ. Представители земства должны задуматься очень серьезно надъ этимъ вопросомъ. Это есть удовлетвореніе нуждъ не одного только му-

жика, но это существенная нужда и всѣхъ другихъ сословій. Надъ этимъ стоитъ подумать...

Не въ лучшемъ состояніи находятся душевные больные среднихъ классовъ и средняго состоянія. Кромѣ ложнаго стыда и отвращенія къ больнымъ, въ этомъ обществѣ можно встрѣтить ненависть, презрѣніе, а нерѣдко и истязанія. Истязанія эти могутъ возникать частью за ненормальные поступки больныхъ, частью изъ-за суевѣрія, а частью и съ лѣчебною цѣлью.

Но особенно тяжелое положеніе этихъ больныхъ въ семействахъ людей бѣдныхъ и необразованныхъ. Здѣсь психопатъ является общественнымъ трутнемъ, который самъ не только не приноситъ пользы, а, напротивъ, требуетъ еще на себя большихъ затратъ. Семья и общество имѣютъ въ лицѣ такого больного члена неправо-способнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ неотвѣчающаго за свои поступки,—члена, который на каждомъ шагѣ можетъ сдѣлать непростительныя глупости—и за это его нельзя ни чѣмъ наказать,—члена, который служитъ для себя и семьи лишнимъ бременемъ,—члена, который можетъ ежеминутно по-вѣситься, удавиться, утопиться и пр. и такимъ образомъ причинить всему обществу неприятность и передрагу,—члена, который можетъ любого изъ своей семьи или деревни оскорбить, ранить, убить, поджечь, изнасиловать и пр.—и за все это онъ является не отвѣтственнымъ. Естественно, что такой больной заставляетъ принимать противъ себя мѣры предосторожности, мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленія на мѣстѣ его зарожденія. Какъ лишній членъ семьи, психопатъ вызываетъ противъ себя злобу, ненависть и заботу о томъ, чтобы его сбыть куданибудь поскорѣе. Съ этою послѣднею цѣлью такихъ больныхъ вывозятъ изъ деревни и бросаютъ на произволъ судьбы среди поля,—иногда подбрасываютъ своимъ ближнимъ, вслѣдствіе чего больные или погнѣбаютъ, или явятся на скамьѣ подсудимыхъ въ видѣ непонятныхъ родства и бродягъ. Какъ опасный для самого себя—психопатъ сплошь и рядомъ подвергается такимъ мѣрамъ стѣсненія и ограниченія свободы дѣйствій, о какихъ едва ли могутъ многіе изъ насъ имѣть представленіе: ихъ запираютъ въ сванюшники вмѣстѣ съ животными, привязываютъ и приковываютъ къ стойламъ, столбамъ, столамъ, къ кольцамъ, вбитымъ въ стѣны, скручивая веревками до неподвижности, заковычивая въ кандалы и пр., и пр., и пр.: вотъ мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій.

Еще строже и ужаснѣе мѣры взысканія и наказанія по отношенію къ такимъ больнымъ, когда онъ совершитъ какой либо проступокъ противъ собственности, или личности. Въ силу суевѣрнаго страха къ этимъ несчастнымъ, въ силу ненависти и презрѣнія къ нимъ, съ ними не церемонятся: ихъ или оставляютъ мертвыми на мѣстѣ, или же отпускаютъ съ маромъ полуизбитымъ и искалѣченными. Это факты.

Лучшею иллюстраціей отношенія нашего общества къ психопатамъ служатъ тѣ видныя картины, при которыхъ ихъ привозятъ въ больницу: скручен-

ные веревками, веревки вѣдлись въ тѣло и оставили глубокія извы, вокругъ этихъ извъ рожистое воспаленіе, все тѣло въ синякахъ, нерѣдко съ переломами реберъ и поврежденіями другихъ частей тѣла, голодные, холодные, оборванные, грязные, въ самомъ ужасномъ растрепанномъ и растерзанномъ видѣ, силою и рядомъ съ слѣдами запекшейся крови. И такіе больные привозятся съ выборными отъ народа. Естественно, такіе больные неистовствуютъ. А такихъ больныхъ привозится достаточно.

Для чего же такихъ больныхъ держатъ дома, почему ихъ не везутъ въ самомъ началѣ въ больницу? Какая тому причина? Бѣдность, бѣдность и бѣдность, а также невѣжество и неудовлетворительность больницъ.

Послѣ долгаго шатанья по дѣдамъ и бабкамъ, знахарямъ и знахарькамъ, умаившись совершенно, крестьянинъ, въ концѣ концовъ, привозитъ такого больного въ больницу. Проходитъ мѣсяць, другой, родные немного отдохнули и осмотрѣлись. Кажется имъ: пора бы и выздоровѣть ихъ больному. Берутъ его. Да они и правы съ своей стороны. Дѣды и бабки, знахари и знахарьки чегонибудь да стояли. Стоило чегонибудь и отсутствіе больного, какъ работника, и отсутствіе другого работника, который съ нимъ возатся. А тутъ, глядя, полатъ нужно платить, поле вспахать, въ больницу залатить. А тутъ общество продаетъ послѣднюю корову за недомы. Подумаетъ, подумаетъ несчастная семья и ѣдетъ взять больного обратно. Христомъ Богомъ молятъ васъ отпустить больного. Вѣдь онъ единственный кормилецъ, безъ него все хозяйство пошло прахомъ. А между тѣмъ больной началъ выздоравливать. Выпустить больного преждевременно значитъ за-вѣдомо погубить. Не выпустить тоже нельзя. Жалко и больного, а больного все таки отдаешь, хотя знаешь впередъ, что больной погибъ. Не долго поддержать такого больного дома. Пройдетъ два, три мѣсяца и опять въ больницу. Ни самъ работникъ, ни другимъ нельзя работать. А въ больницы требуютъ деньги. Денегъ нѣтъ. Берутъ домой. Такихъ путешествій 5—6 и больной отправляется въ мѣста отдаленныя. Семья же остается голая, разоренная и озлобленная на весь міръ.

Горе бываетъ такому больному, если онъ вмѣсто дома попадаетъ въ богадѣльню. Помѣщенные въ богадѣльни психопаты живутъ между калѣками и стариками, немогущими по слабости и убожеству свискивать себѣ пропитаніе. Какъ бы ни были психопаты тихи, однако многіе изъ нихъ все таки причиняютъ цѣлую массу неприяностей несчастнымъ обитателямъ сѣраго дома, то отнимая у нихъ ищущу, то торжопя ихъ во время сна, то награждая ихъ отъ времени до времени пинками, то прибѣгая къ избіенію ихъ камнями. Въ свою очередь и психопаты получаютъ свою мзду отъ обиженныхъ. Такимъ образомъ, идетъ междуусобная война, съ одной стороны бессознательная и бессмысленная, а съ другой стороны обдуманная и ожесточенная. А пора бы положить этому конецъ.

А что такое теперешній русскій домъ умалишенныхъ? Объ этихъ звѣрицахъ, куда запираются наши отцы и матери, наши братья и сестры, наши дѣти и внуки, наши друзья и близкіе,—объ этихъ звѣрицахъ мы скажемъ послѣ. О горе намъ, книжники и фарисей, гробы поваленные....

Часто насъ спрашиваютъ,—и даже люди съ претензіей на образованіе: да выздоравливаютъ ли отъ психоза? Выздоровливаютъ, господа, право, выздоравливаютъ,—но не на радость себѣ.

Вывѣшй психопатъ здоровъ. Ему нужно выйти изъ желтаго дома на свободу. Ему нужно войти въ ту среду, въ которой онъ заболѣлъ, въ которой онъ, быть можетъ, въ болѣзненномъ состояніи надѣлалъ много глупаго, смѣшнаго и даже вреднаго. Ему нужно войти въ ту среду, въ которой его до сихъ поръ считают сумасшедшимъ. И такъ, страшно и за больного, и за то общество, которое не можетъ отказаться отъ своихъ предразсудковъ, дикихъ взглядовъ и суевѣрій по отношенію къ душевнымъ больнымъ.

Родные и родственники встрѣчаютъ такого больного по выздоровленіи и выходѣ изъ больницы съ какою-то боязнью и даже неприязнью. На него смотрятъ со страхомъ и любопытствомъ. На него преходятъ смотрѣть другіе. Ему, при столкновеніи, ставятъ въ укоръ его болѣзнь. Уже первые шаги такого челоука по выходѣ изъ больницы имѣютъ въ себѣ много неблагоприятнаго для дальнѣйшаго его существованія. Особенно это ясно наблюдается въ крестьянской средѣ. Большинство такихъ лицъ возвращается домой или чрезъ полицію, или чрезъ волостныя правленія. Пройти эти мытарства и здоровому не всегда бываетъ удобно, а тѣмъ болѣе только что ставшему на ноги. Далѣе, возвращаются эти больные въ томъ же платьѣ, въ которомъ доставлены были въ больницу, т. е. оборванные, грязные, обоженные, лѣтомъ въ шубѣ, зимою въ поддевѣ, одной рубахѣ, а то и безъ рубахи. Понимаете ли вы, что значитъ выпустить такого выздоровѣвшаго отъ психоза въ зимнее время безъ одной нитки на тѣлѣ! Вы сомнѣваетесь въ такихъ случаяхъ? Но я лично знаю такихъ два, и еслибы не больничное платье, то больные должны были бы среди зимы понырять въ котломъ нашего прародителя съ билетомъ въ рукахъ вмѣсто древеснаго листа.

Такой наружный видъ выздоровѣвшихъ отъ психоза, въ связи съ лежащимъ на нихъ клеймомъ—„сумасшедшаго“ едва ли улучшатъ къ нимъ отношеніе провожатыхъ. Въ такомъ то видѣ и при такихъ условіяхъ они возвращаются въ ту среду, обстановку и условія, при которыхъ заболѣли.

Не даемъ ли мы этимъ самымъ повода къ новому ихъ заболѣванію? Не становимся ли мы сами невольными виновниками новаго возврата ихъ болѣзни? Всегда ли мы съ спокойною совѣстью отпускаемъ такого выздоровѣвшаго въ прежнія условія его жизни?

Главная задача при выпускѣ такого лица состоитъ въ томъ, чтобы дать ему средства къ даль-

нѣйшему существованію, возвратитъ ему самостоятельность, внушитъ къ нему довѣріе общества, облегчитъ ему первые шаги его жизни.

Получитъ ли онъ все это, прибывъ домой въ костюмѣ прародителя?

Съ цѣлю пособія такимъ больнымъ, поддержки ихъ существованія и снисканія рода занятій въ Европѣ и Америкѣ существуютъ благотворительныя общества.

У насъ много благотворительныхъ обществъ. Одни изъ нихъ идутъ хорошо, другія плохо.

Господа, если образуется въ Харьковѣ новое благотворительное „Общество вспомошествованія выздоровѣвшимъ отъ душевной болѣзни“, будьте къ нему внимательны!

Докторъ медицины П. Ковалевскій.

